

Н.П.Огарев. Толпа

(Разговор на площади)

Blut, sag ich dir, wird deine ganze Seele fallen.

Schiller

[Кровь, говорю тебе, всю душу твою переполнит. Шиллер (нем.)]

Полдень сиял над Москвою. Народ толпился по улицам; казалось, все было оживлено этой заботливой, странной, мелочной жизнью, всегда господствующей в общей массе людей. В это время молодой человек с веселым лицом, с быстрыми огненными глазами пробирался через городскую площадь, внимательно бросая пронзительные взоры на проходящих.

"Здравствуй, Леонид", – сказал он, подходя к юноше, который в задумчивости стоял, облокотясь на решетку церкви Василия Блаженного, и бледное лицо его изображало непонятную грусть.

Леонид. А, это ты, Вольдемар. Но что значит странная улыбка на твоём лице?

Вольдемар. Мне смешна твоя задумчивость; о чем, кажется, печалиться, когда ты успел выбрать такое удобное место обозревать эту пеструю толпу проходящих? Ну, право, здесь как нельзя лучше можно делать психологические наблюдения и от души посмеяться.

Леонид. Смеяться... Но что же нашёл ты тут смешного?

Вольдемар. Как что смешного? Да взгляни на все эти лица; посмотри на этих суесящихся лавочников, заметь это желание воспользоваться хотя копейкою барыша, эти смешные приемы, эти беспрестанные повторения одних и тех же слов: "сахар, чай, кофий – все есть у нас; пожалуйста, барин". Какую досаду наводят они на сморщенное лицо этого старика, олицетворяющего идею скупоści; посмотри на эту толстую рожу осанистого купца, который с самодовольным видом выступает, поглаживая бородку, как будто бы его везли на сундуках золота; видишь ли эти вытянутые фигуры тонных дам, которые спешат втридорога заплатить за всякий товар, чтобы украсить свои отцветшие уродливые лица; посмотри на этого барина, который со всею дворянскою важною отправляется забирать как можно более вещей – в долг. Ну, скажи, Леонид, не смешны ли все эти фигуры? Не заставит ли тебя хохотать эта заботливость, ни к чему не ведущая, эта заботливость, которую можно назвать беспечною, эта суестьливость, которую можно назвать бездействием? Не смешно ли видеть этих людей, которые целую жизнь хлопочут, чтобы ничего не сделать?

Леонид. Нет, Вольдемар, я еще ничего не вижу здесь смешного. Досадно и жалко! Целая толпа, которая живет без всякой цели в жизни или с какою-нибудь мелочною целью, с каким-нибудь эгоистическим чувством, унижающим человечество.

Тысячи людей, не одушевленных никаким общим стремлением, никакою общою идеей, тысячи людей, разъединенных в глубине души, занятые частностями, жалкими видами, – и это тебе кажется смешно? Вольдемар, Вольдемар! Любил бы я видеть человечество прекраснее, могущественнее, гордое своим достоинством, напрягающее все силы свои к добру, изощряющее все способности свои для блага общего, а не эту жалкую толпу, которой кумир – золото, действия – расчет, которая теряется в ничтожных спекуляциях, отвратительных покушениях на счастье ближнего, в эгоистическом стремлении к безумным наслаждениям. Нет, друг, что тебе смешно, мне кажется жалким и горестным.

Вольдемар. Ты уж не мизантроп ли? Вот и это мне смешно.

Можно ли ненавидеть все эти обыкновенные явления? Эти контрасты в мире, эти карикатуры на род человеческий смешны каждому, как ребенку, когда он смотрит на безобразную горбатенькую куклу, и, право, веселее быть таким ребенком, чем грустить обо всех людских глупостях.

Леонид. Нет, я не ненавижу людей, но жалею об них. О Вольдемар, если бы я мог зажечь в них хотя одну искру жизни общей, устремить их к общей деятельности, где забыли бы они свои корыстолюбивые виды, где перевес имели бы одни качества души, где не ползали бы пред богатым, где бы не трепетали сильно, но где труд для блага общего был бы единым уровнем людей, и это благо их единой целью, – о, если бы я смог это, я бы всем пожертвовал, верь, Вольдемар, для этого я бы всем пожертвовал!

Вольдемар. Что за безумная мысль, Леонид. Миллионы людей, как ты, перемрут и все еще не успеют ее исполнить. Прогрустите вы целую жизнь, а толку мало. Лучше посмеяться и, по крайней мере, прожить весело.

Леонид. Одушевить эту толпу хотя бы на один миг – нет, Вольдемар, не говори, чтобы это было невозможно. Возьми в пример хотя бы и наш православный народ: неужели в этих остроумных физиономиях, в этой огромной